

Фарс совершенно неправдоподобный, в стихах, с примесью прозы.
Соч. гг. Пружинина, Зубоскалова, Белопяткина и К^о
<Коллективное>
"Лет за пятьсот и поболее случилось..."
Жуковский ("Ундина")

I

Месяц бледный сквозь щели глядит
Не притворенных плотно ставней...
Петр Иванович свирепо храпит
Подле верной супруги своей.
На его оглушительный храп
Женин нос деликатно свистит.
Снится ей черномазый арап,
И она от испуга кричит.
Но, не слыша, блаженствует муж,
И улыбкой сияет чело:
Он помещиком тысячи душ
В необъятное въехал село.
Шапки снявши, народ перед ним
Словно в бурю валы на реке...
И подходит один за другим
К благосклонной боярской руке.
Произносит он краткую речь,
За добро обещает добром,
А виновных грозит пересечь
И уходит в хрустальный свой дом.
Там шинель на бобровом меху
Он небрежно скидает с плеча...
"Заварить на шампанском уху
И зажарить в сметане леща!
Да живей!.. Я шутить не люблю!"
(И ногою значительно топ).
.
.
Всех величием своим устроив,
На минуту вздремнуть захотел
И у зеркала (был он плешив)
Снял парик и... как смерть побледнел!
Где была лунолицая плешь,
Там густые побегии волос,
Взгляд убийственно нежен и свеж
И короче значительно нос...
Постоял, постоял - и бежать
Прочь от зеркала, с бледным лицом..
Вот, зажмурясь, подкрался опять...
Посмотрел.. и запел петухом!
Ухвативши себя за бока,
Чуть касаясь ногами земли,
Принялся отдирать трепака...
"Ай люли! ай люли! ай люли!
Ну, узнай-ка теперича нас!
Каково? Каково? Каково?"
.
.
И, грозя проходившей чрез двор
Чернобровке, лукаво мигнул
И подумал: "У! тонкий ты вор,
Петр Иванович! Куда ты метнул!.."
Растворилась дверь, и вошла
Чернобровка, свежа и плотна,
И на стол накрывать начала,
Безотчетного страха полна..
Вот уж подан и лакомый лещ,
Но не ест он, не ест, трепеща..
Лещ, конечно, прекрасная вещь,
Но есть вещи и лучше леща...
"Как зовут тебя, милая?.. ась?"